

ОТЗЫВ

на диссертацию **Шилихиной Ксении Михайловны**

“Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты”, представленную на соискание степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

Посвятив свою диссертацию иронии, И. А. Шилихина вступила в виртуальный диалог одновременно и с выдающимися умами прошлого — Сократом, Аристотелем, Шлегелем, Кьеркегором, Вико, и с весьма влиятельными современными учеными — Эко, Грайсом, Спербером и Уилсон, не говоря уже о десятках исследователей, разрабатывающих те или иные аспекты этого явления в различных сферах функционирования языка и при этом до сих пор не пришедших к единому пониманию того, что же делает иронию иронией. А если учесть тот факт, что в современном мире ирония проникает едва ли не во все жанры и стили речевой деятельности и обладает большим потенциалом речевого воздействия, не остается никаких сомнений в том, что тема данного исследования и его направленность на построение общей теории иронии своевременна и чрезвычайно **актуальна**.

Данная диссертация представляет собой фактически **первую** в отечественной лингвистике серьезную попытку рассмотреть иронию не как явление языка, а как особую разновидность речемыслительной деятельности, что предполагает не только выявление языковых средств, узואльно используемых в иронических высказываниях, но и обращение к прагматическому анализу иронии и вскрытию когнитивных механизмов ее создания и понимания, действие которых часто выходит за рамки отдельных предложений и проявляется на уровне текста как целого. Иными словами, К. М. Шилихина **впервые** предлагает теорию иронии как дискурсивной практики, основанную на достижениях лингвистической прагматики, когнитивной семантики и анализа дискурса. В разработке этой теории, ее концептуального и терминологического аппарата, в демонстрации ее объяснительной силы и состоит **теоретическая значимость** диссертации. **Новым** в диссертации является также подход к эмпирической базе исследования. В большинстве работ, посвященных иронии, авторы ограничивались немногочисленными примерами, иллюстрирующими выдвигаемые ими положения, что, как правило, вело к неоправданному сужению границ исследуемого объекта. К. И. Шилихина основывает свои выводы на представительном корпусе иронических высказываний и текстов, который она сама собрала и разметила, **впервые** разработав принципы разметки иронического дискурса. Построенная автором диссертации на основе корпуса типология вербальных сигналов иронии вкупе со сведениями о частотности каждого из типов, имеет не только теоретическое, но и **прикладное значение**, так как на ее основе

могут быть усовершенствованы алгоритмы автоматического анализа тональности высказываний (sentiment analysis).

Диссертация состоит из Введения, семи глав, Заключения, и библиографии, насчитывающей около 442 наименования, из которых более половины — на иностранных языках.

Во Введении формулируются цели и задачи исследования, а также очень точно указано, в чем автор видит актуальность, новизну, теоретическую и практическую значимость своего труда.

В **Главе 1 — «История изучения иронии: от античности до современности»** — выявляются исторические источники разноречивости современных представлений об иронии, дается аргументированная критика существующих концепций иронии и намечаются те направления, в которых следует изменить подход к изучению данного феномена с тем, чтобы преодолеть ограниченность существующих концепций.

В **Главе 2 — «Ирония в научной картине мира. Виды и функции иронии»** содержится критика классификационного подхода к иронии. Убедительно показано, что ни одна из предложенных классификаций не работает. Автор делает справедливый вывод о том, что искать надо не поверхностные различия, а те фундаментальные общие свойства, которые лежат в основе восприятия высказываний как иронических. Дав обзор позиций в дискуссии о функциях иронии, автор присоединяется к мнению о том, что главной функцией иронии является установление между коммуникантами ассиметричных отношений авторитетности (господства-подчинения), а второй, факультативной функцией — функция развлечения адресата и / или аудитории.

В **Главе 3 — Корпус текстов как материал для исследования вербальной иронии** — обсуждаются вопросы, связанные с созданием вышеупомянутого корпуса. Это определение состава корпуса и разработка системы помет для разметки иронических высказываний. Решение последней задачи было, естественно, сопряжено с выявлением и типологизацией признаков, появление которых на том или ином уровне анализа высказывания сопряжено с его ироническим статусом. Эти признаки имеют разную природу: собственно языковую, когнитивную или дискурсивную и трактуются в работе как соответствующие тактики создания иронии, подразделяемые на лексические, грамматические, стилистические, текстовые, интертекстуальные, логические и семантические. Тактики объединяются в рамках трех стратегий, каждая из которых соотносится с одним из факторов. Так, языковым факторам соответствует вербальная стратегия, дискурсивным — риторическая, а когнитивным — когнитивная. Отметим, что автор полностью отдает себе отчет в том, что предлагаемая разметка не освобождает пользователя корпуса от необходимости обращения к данным интроспекции. Корпус — это инструмент быстрого доступа к языковым данным для анализа, но не

окончательное решение всех возникающих в ходе анализа вопросов. В этой же главе описано, как использовались национальные корпуса русского, английского, немецкого и польского языков для отбора высказываний, эксплицитно оцененных в тексте как иронические и для выявления путем анализа сочетаемости оценочного отношения к иронии и метафорических моделей этого явления.

В Главе 4 — «Модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide*» — вводится базисное для данной теории противопоставление двух модусов коммуникации — серьезного и несерьезного. Каждый из модусов характеризуется определенным набором значений четырех параметров: соотношение высказывания с реальностью, степень кооперативности говорящего, наличие элементов игры / притворства, возможность и характер метатекстового комментария. Ирония является одной из дискурсивных практик в режиме несерьезного общения, где с ней вместе оказываются ложь, абсурд, юмор и сарказм. Для различения указанных типов несерьезной коммуникации вводится ряд дополнительных признаков. В результате ирония оказывается по тому или иному признаку противопоставленной и абсурду, и лжи, и юмору, и сарказму, получая тем самым верифицируемое операциональное определение. Процедура принятия решения о режиме интерпретации высказывания как принадлежащего к ироническому или иному типу представлена в виде алгоритма проверки значений ряда параметров.

Глава 5 — Ирония в «наивной» картине мира — посвящена выяснению того, в каких ситуациях обычный человек маркирует ироничность своего или чужого высказывания, в чем он усматривает иронию и как к ней относится. Методом исследования в данной главе является анализ корпусного материала четырех языков — русского, английского, немецкого и польского. Это, во-первых, анализ высказываний, содержащих метатекстовый маркер, либо эксплицирующий иронический характер высказывания говорящего, либо высказывания другого коммуниканта, а во-вторых — сочетания имени со значением 'ирония' с прилагательными. Полученные таким образом данные служат обоснованием и подтверждением обобщений, сделанных в предшествующих главах.

В Главе 6 — «Ирония как дискурсивная практика» — на примере функционирования иронии в достаточно далеких друг от друга сферах коммуникации — научной, политической и межличностной (устной и компьютерно-опосредованной) демонстрируется всепроникающий характер этого явления и ставится вопрос о его статусе как ингредиента дискурса. Показано, что ни одна из предложенных ранее трактовок статуса иронии — ни речевой акт, ни речевой жанр, ни речевая стратегия или тактика — не позволяет охватить данный феномен во всем многообразии его вариантов. Вместо этого автор предлагает трактовку иронии как

дискурсивной практики, позволяющую «ухватить» инвариантную сущность иронии без ущерба для всего многообразия форм ее реализации.

В Главе 7 — **Модель понимания иронии в дискурсе** — на основе определенных в предыдущих главах свойств иронической дискурсивной практики строится вероятностная динамическая модель установления иронической интенции говорящего адресатом высказывания или наблюдателем. Отличительной чертой данной модели является то, что ироническая интерпретация в ней является результатом динамического взаимодействия языковых, ситуативных и экстралингвистических знаний говорящего.

В Заключении в краткой и емкой форме резюмирована теоретическая концепция диссертации и представлены полученные в ней результаты.

Широта эрудиции К. М. Шилихиной, глубина анализа проблем, новизна концепции, обоснованность и верифицируемость теоретических положений, конкретные результаты, в особенности размеченный корпус иронических высказываний и текстов — позволяют нам охарактеризовать диссертацию К. М. Шилихиной как этапную работу не только в области изучения иронии, но и шире, — в области общей теории речевой коммуникации. В ней предложен принципиально новый подход к иронии, в котором разные аспекты и разные формы этого сложного явления увязаны воедино непротиворечивым образом. Проведенная в работе систематизация иронических стратегий и тактик и построенная модель понимания иронии, несомненно, найдут свое применение при совершенствовании автоматизированных систем понимания текстов на естественном языке.

Этим мы не хотим сказать, что все точки над «и» в вопросе о том, как создается и распознается ирония в дискурсе уже расставлены. Как и всякая большая и серьезная работа, рецензируемая диссертация оставляет место для вопросов, направленных на уточнение высказанных автором идей. Ее достоинство как раз в том, что выдвигаемые положения в принципе фальсифицируемы, что является главным требованием, предъявляемым методологией науки к выдвигаемым теориям. Приведем наши соображения о моментах, нуждающихся в дальнейшем прояснении.

1. В главе 4 главный признак, отличающий серьезное высказывание от несерьезного, формулируется так: «соответствие высказывания реальной ситуации» (вариант: «высказывание имеет референтом некоторую ситуацию в окружающем мире»). Формулировка вызывает вопросы. Как известно, в семантику высказывания входят два компонента: иллокутивная сила и пропозиция. Обычно вопрос о референции к миру ставится применительно к пропозиции, так как сам акт высказывания в процессе коммуникации очевиден. Но если так, то для одних иллокутивных типов высказываний соотношенность их пропозиции с реальностью не определена (в частности, для предположений и вопросов),

а для других определена отрицательно (например, для побуждений или обещаний). Значит ли это, что высказывания этих типов осуществляются в модусе *non bona fide*? Конечно, нет, и автор вряд ли имел это в виду. Развернутая формулировка данного критерия на с. 163 также не столько помогает, сколько запутывает дело: здесь вместо «соответствует» сказано «коррелирует», что совсем не одно и то же, и добавлено, что высказывание *bona fide* «с точки зрения говорящего истинно», а высказывание *non bona fide* «отсылает к несуществующей ситуации либо представляет реальную ситуацию странным, необычным образом». Это опять-таки исключает из серьезной коммуникации вопросы, побуждения и др. иллюзии, к которым истинностная оценка не применима, а также создает сбой на первом шаге алгоритма интерпретации модуса (с. 183), так как многие ироничные высказывания (так называемая «правдоподобная ирония»), действительно, соотносятся с реальной ситуацией. Кроме того, из формулировок в таблице на с. 174 не ясно, в чем суть различий в типах «несоответствия реальной ситуации» для сарказма, лжи и абсурда и почему для лжи это несоответствие «в максимальной степени»? Из-за этого непонятно, какой из типов несоответствия мы имеем в образцах иронических высказываний. напр., в [4.26] *If I'm asked "Did you get a hair cut?" and I answer "No, they grew backwards over night", then I am being ironic*. Ситуация в иронической фразе не просто не соответствует конкретной обсуждаемой ситуации, но и вообще, пользуясь формулировкой автора, «не имеет коррелята в окружающем мире», что свойственно, по мнению автора, как раз абсурду и сарказму, который «часто представляет ситуацию как абсурдную». Короче, надо уточнить, что означает «соответствие высказывания реальной ситуации».

2. Нуждается в прояснении и вопрос о том, кем и как устанавливается соответствие высказывания реальности. В тексте той же Главы 4 модель алгоритма интерпретации высказываний в модусах *bona fide* и *non bona fide* (с. 183) подается так, как если бы это была модель действий обычного интерпретатора, а не исследователя. Но каким образом адресат может установить, что высказывание адресанта — ложь? Для этого адресат лжи изначально должен быть осведомлен об истинном положении дел в мире или же лжец должен выдать свое притворство «языком тела». Такие ситуации, конечно, возможны, но в общем случае адресат не знает, как обстоят дела на самом деле, а некоторые лжецы умеют не выдавать себя даже на детекторе лжи. В таком случае в соответствии с Принципом кооперативности адресат примет ложь за чистую монету и будет интерпретировать в режиме *bona fide*. Может быть, ложь лучше изначально вывести за рамки алгоритма установления режима интерпретации?

3. Считая маркированность игры / притворства важным параметром, на котором основано разграничение типов высказываний в модусе *non*

bona fide, автор уделил недостаточно внимания прояснению способов такой маркировки, видимо, считая наличие / отсутствие в высказывании таких маркеров интуитивно очевидным. Но хотелось бы все-таки понимать, что входит в инвентарь таких маркеров в устной, письменной и компьютерно-опосредованной формах речи.

4. Из текста работы мне осталось не до конца понятной позиция автора по вопросу о соотношении «наивного» и научного понятия иронии. В явной форме я не нашла ни утверждений о том, что они должны совпасть, ни утверждений о том, что они могут различаться. В первом случае построенная модель должна правильно предсказывать то, как оценит высказывание носитель языка. Во втором случае это не обязательно, так как носитель языка может несколько по-иному проводить границы категорий. Судя по примерам, похоже, что построенная модель соответствует второй позиции. Так, в примере [4.35], комментатор-наблюдатель расценивает характеристику "*вдохновенное создание архитектора Фридмана*", которое писатель-сатирик Илья Ильф употребил по отношению к убогому зданию электроподстанции, появившейся на месте снесенного Никитского монастыря как «убийственный **сарказм**», а по модели это скорее ирония: деонтическая негативная оценка не выражена эксплицитно, инференция присутствует (обращение к разуму), да и лексическая тактика — типичный для иронии антифразис. Возможно, для «наивного» разграничения *иронии* и *сарказма* единственным релевантным признаком является то, что Серль назвал «степенью интенсивности представления иллюкутивной цели», выраженной выбором слова, обозначающего высшую степень положительной оценки для произведений искусства и архитектуры. Таким образом, надо определиться с вопросом о том, как относиться к подобным расхождениям: как к категориальной ошибке «наивного» комментатора или как к сигналу о том, что в модель надо внести какие-то поправки.

5. Говоря об деонтической оценке как отличительном признаке иронии и сарказма, автор использует по отношению к ней перифразу *оценка по шкале «данное - должное»* (иногда «*должное - данное*»), ссылаясь на работы [Герасимова 2000, Карасик 2012]» (с. 177). Следовало бы пояснить, каким образом можно представлять противопоставление «данного» (реальной ситуации) и «должного» (ситуации, соответствующей некой социальной норме) как шкалу: как устроена эта шкала, что по ней градуируется. Также, на наш взгляд, стоило бы уделить этому параметру больше внимания и с точки зрения того, каким образом негативная деонтическая оценка обнаруживается в иронических высказываниях, в которых она присутствует имплицитно, и как она выражается в саркастических высказываниях, в которых она, согласно модели, бывает эксплицирована.

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертации. Подытоживая сказанное, мы можем констатировать, что диссертационное исследование К. М. Шилихиной открыло новое перспективное направление в изучении иронии как дискурсивной практики. Его выводы должны войти в соответствующие разделы университетских курсов по теории коммуникации, лингвистической семантике и прагматике речевого общения. Найдут они применение и в практике разработки автоматизированных систем понимания текста на естественном языке, в частности систем определения тональности (в терминологии автора — семантической просодии) текста.

Заключение

Диссертация К. М. Шилихиной представляет собой законченную научно-исследовательскую работу, выполненную на актуальную тему. В работе заложены основы общей теории иронии как дискурсивной практики. Задачи, решенные диссертантом, имеют большое значение для теории языка, понимаемого как деятельность, и для приложения лингвистических знаний в сфере информационно-коммуникационных технологий. Автореферат и опубликованные статьи всесторонне и полно отражают содержание диссертации, которая отвечает пункту 9 "Положения о порядке присуждения ученых степеней", утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842, а сам автор, К. М. Шилихина, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 - Теория языка.

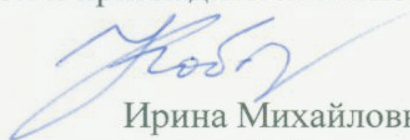
Профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета

МГУ имени М. В. Ломоносова,

доктор филологических наук

Адрес: г. Москва, 119991, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ, этаж 9, к. 953.

Телефон: 8-495-939-26-01

Ирина Михайловна Кобозева

Отзыв проф. И. М. Кобозевой удостоверяю.

Декан филологического факультета

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Профессор

М. Л. Ремнева

3 октября 2014 г.